Сказка А. П. Цыплятникова.

Александръ Петровичъ Цыплятниковъ — обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, 33-хъ лѣтъ. Онъ служилъ въ солдатахъ въ Варшавѣ, потомъ работалъ, въ качествѣ мастерового, на Кыштымскомъ заводѣ, а теперь занимается промысломъ легкового извозчика въ томъ же заводѣ.

Цыплятниковъ не считаетъ себя „сказочникомъ", какъ не считаютъ его таковымъ и другіе; но онъ хорошо знаетъ нѣсколько сказокъ, выслушанныхъ имъ на службѣ (въ Варшавѣ) — отъ солдатъ-товарищей. „Прежде, пока я не пилъ вина, у меня такая голова была: выслушаю разъ сказку — и запомню ее сейчасъ же всю". Теперь Цыплятниковъ сильно выпиваетъ, хотя только временами. Это человѣкъ сравнительно образованный; между прочимъ, читаетъ газеты (лѣваго направленія) и хорошо освѣдомленъ о текущей политикѣ.

Цыплятниковъ былъ моимъ ямщикомъ, когда я, лѣтомъ 1908 года, ѣхалъ изъ Кыштыма въ с. Метлино. Дорогой я и выслушалъ отъ него длиннѣйшую сказку про солдата Курилова. (Сказка эта выслушана имъ въ Варшавѣ отъ солдата изъ Орловской губерніи). Когда Цыплятниковъ кормилъ въ Метлинѣ лошадей, онъ согласился вновь разсказать мнѣ эту сказку, уже спеціально для записи. Запись сказки была мною уже почти закончена, какъ вдругъ на моего разсказчика напалъ „стихъ" недовѣрія. Не исключена возможность, что это былъ чисто психопатологическій припадокъ алкоголика; но возможно также, что недовѣріе было вызвано боязнью начальства или „политическими" соображеніями: въ сказкѣ говорится про генераловъ и императора Николая I-го, а дѣло происходило въ 1908 году, когда событія 1905 — 1906 гг. въ провинціи были еще очень памятны. О своихъ мотивахъ Цыплятниковъ мнѣ ничего не говорилъ; но послѣ усиленныхъ просьбъ его, грозящихъ перейти въ насиліе (дѣло происходило наединѣ ночью, въ селѣ, куда я заѣхалъ впервые), я отдалъ ему свою рукопись, которую онъ тутъ же и разорвалъ. На другой день рано утромъ я записалъ вновь злополучную сказку по памяти. По этой второй записи она и печатается мною ниже. Такъ какъ я выслушалъ эту сказку дважды и притомъ, слушая второй разъ, записывалъ ее изъ слова въ слово, то я запомнилъ ее очень хорошо, и въ своей записи довольно точно передаю даже и самый стиль разсказчика, не говоря уже о всѣхъ подробностяхъ содержанія.

Еще отъ Цыплятникова я выслушалъ, но не успѣлъ записать, по вышеуказанной причинѣ, сказку „Токманъ Токмановичъ самъ съ локоть, борода съ локоть" (варіантъ напечатанной выше сказки Сигаева № 55), и сказку о человѣкѣ, который чудеснымъ образомъ вызвалъ наводненіе въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ (варіантъ сказки „Морока", напечатанной выше подъ № 60; срв. № 52).

66. *) [Смѣхъ и горе].

1. Дѣло было въ старыя времена, при Николаѣ Первомъ. Желѣзныхъ дорогъ еще не было, и новобранцамъ приходилось трудно — на мѣсто назначенія нужно было являться по способу пѣшаго хожденія.

Крестьянинъ Рязанской губерніи Спасскаго уѣзда Козодаевской волости, деревни Окомѣловки, Василій Иванычъ Куриловъ, попалъ на службу въ Петербургъ. Служба солдатская, ружейные пріемы и особенно словесность, ему совсѣмъ не давалась. Много попадало ему въ усъ да въ рыло отъ взводныхъ.

Видитъ Куриловъ, что служба тяжела и что другіе молодые солдаты берутъ медицинское свидѣтельство и уходятъ на годъ домой на поправку,—задумалъ и онъ также сходить на поправку домой. Приходитъ къ доктору: „такъ и такъ“.— Тотъ повернулъ ево, ударилъ по спинѣ и говоритъ: „Здоровъ, дѣтина, совсѣмъ! Иди служи!“

2. Наступилъ государскій военный смотръ. Курилову, какъ и всѣмъ солдатамъ, выдали первосрочную [? первосортную?] аммуницію, подъучили ружейнымъ пріемамъ. Пріѣхалъ Государь Императоръ, поздоровался съ войсками; пропустилъ мимо себя войска церемоніальнымъ маршемъ.— „Спасибо, братцы!“

Потомъ по-ротно сталъ опрашивать допросъ претензій: „Не имѣетъ ли хто-нибудь изъ васъ претензіи?“—Куриловъ первый выискался въ своей ротѣ: „Я имѣю претензію, Ваше Императорское Величество!“— „Какую?“— „Отпустите меня на годъ домой на поправку: отецъ и мать у меня старые и больные“.

Государь былъ въ веселомъ расположеніи духа.— „А что ты мнѣ привезешь оттуда?“— „А привезу я смѣхъ и горе,

*) Повторяю еще и здѣсь, что эта сказка (единственная изъ моихъ записей въ настоящемъ сборникѣ) печатается по записи, сдѣланной не подъ диктовку разсказчика, а по памяти. (*Д. З.*).

Ваше Императорское Величество!"—„Ну, хорошо, отпусчаю; только привези мнѣ смѣхъ и горе!"—И Государь записалъ о томъ въ свою памятную книжку.

3. Кончился смотръ. Съ Курилова сняли новую аммунпцію, выдали ему рваные шароваришки и заплатную шинель, старые казе́нные сапоги, и дали годови́чное отпускное свидѣтельство съ правомъ на́ годъ на родину.

А Куриловъ незадолго передъ тѣмъ нашолъ на улицѣ пустой купеческій портмонетъ. Положилъ онъ въ нево свидѣтельство, десятикопеечную азбуку и три двугривенныхъ—все, что у него было; да еще въ грязный мѣшокъ наклалъ три фунта черныхъ солдатскихъ сухарей—и пошолъ пѣше́чкомъ въ Рязанскую губернію, въ Спасскій уѣздъ, въ деревню Окомёловку.

Приходитъ онъ въ городъ Владиміръ; спрашиваетъ городового: „гдѣ здѣсь хорошіе номера для проѣзжающихъ?"—Городовой показываетъ ему. Приходитъ туда Куриловъ:—„Есь свободные номера?" — „Точно такъ!" — „Сколько сто́итъ?"—„Два рубли въ су́тки".—Куриловъ взялъ номеръ, заказалъ ужинъ въ полтора рубля и полбутылки коньяку.—А въ карманѣ у нево всево на́ всего три несчастныхъ двугривенныхъ.

Хозяинъ спрашиваетъ его: „Хто вы будете? Намъ надо записать васъ на мѣловую доску".—„Я генералъ-майоръ изъ Санъ-города-Петербурга, Василій Ивановичъ Куриловъ".—Хозяинъ посмотрѣлъ на ево рваную солдатскую шинелишку, но ничево не сказалъ: только бы получить деньги.

Немного погодя въ тѣже номера пріѣзжаетъ на тройкѣ своихъ лошадей съ кучеромъ генералъ-лейтенантъ изъ города Москвы. Беретъ номеръ и спрашиваетъ хозяина гостинницы: „Нѣтъ ли у васъ кого-нибудь изъ военныхъ? скушно мнѣ одному въ городѣ".—„Есь, Ваше Превосходительство, генералъ-майоръ изъ Санъ-города-Петербурга, Василій Ивановичъ Куриловъ".—„Пришлите ево ко мнѣ!"

Хозяинъ гостинницы идетъ въ номеръ къ Курилову, а тотъ лежитъ на койкѣ, азбуку свою разбираетъ. — „Такъ и такъ, Ваше Превосходительство! пріѣхалъ генералъ-лейтенантъ изъ города Москвы, проситъ васъ къ себѣ въ номеръ переночевать". — „Позовите ево сюда!" — Приходитъ

генералъ - лейтенантъ, рекомендуется: „я такой-то генералъ..."—„А я,—отвѣчаетъ Куриловъ:—такой-то генералъ".—Лейтенантъ перьвымъ долгомъ заказываетъ бутылку коньяку и отличный ужинъ.

Выпили и закусили. Лейтенантъ предлагаетъ поиграть въ карты на деньги. Куриловъ сперва отказывался, но потомъ согласился. Играютъ. Генералъ-лейтенантъ наигралъ на Курилова 50 рублей и проситъ деньги.—„Давай играть на сотню!"—Стали играть еще. Курилову повезло. Отъигралъ отъ генералъ-лейтенанта свои 50 рублей и наигралъ на нево еще 20 тысячъ.

У генералъ-лейтенанта нѣтъ больше наличныхъ денегъ, а отыграться хочется.—„Ставлю за 500 рублей своихъ лошадей съ кучеромъ и экипажемъ!"—Куриловъ: „Надо посмотрѣть лошадей".—Посмотрѣли: всѣ блеститъ, а толку никакова въ лошадяхъ Куриловъ не знаетъ. Согласились. Играютъ. Курилову опять повезло: отыгралъ у генералъ-лейтенанта ево лошадей и экипажъ.

У генерала одна надёжа—на свою одёжду. Снимаетъ генералъ-лейтенантъ съ себя генеральскую фуражку, эполеты, мундиръ, шаровары съ лампасами и лакированные сапоги.—„Ставлю всю свою эту аммуницію за 50 рублей".—Куриловъ согласился и отыгралъ у генерала ево аммуницію. Отдалъ ему свою рваную шинель и сапоги, надѣлъ на себя полную генеральскую аммуницію—и въ самомъ дѣлѣ сталъ похожъ на генерала.

4. Проигравшійся генералъ-лейтенантъ спитъ мертвецкимъ сномъ (послѣ выпитаго коньяку), а у Курилова и хмѣль прошелъ отъ привалившаго счастья. Призвалъ перьвымъ долгомъ своего новаго кучера:—„Какъ тебя зовутъ?"—„Иванъ".—„Извѣстно тебѣ, что я отъигралъ у твоего барина его лошадей и экипажъ? Ты теперь долженъ меня слушать во всемъ такъ же, какъ своего прежняго барина!"—„Слушаю, Ваше Высоко-Превосходительство!"—„Такъ вотъ, завтра въ 5 часовъ утра подай мнѣ лошадей, и поѣдемъ въ Рязанскую губерню!"

Куриловъ началъ еще разъ пересчитывать свои деньги. Ночь скоро прошла, и кучеръ подалъ лошадей. Проигравшійся генералъ-лейтенантъ все еще спитъ. Взялъ Куриловъ десятирублевую бумажку, засунулъ ему за голенище:

„Пускай, дескать, хоть за номеръ расплатится!“ — Сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

Пріѣзжаетъ онъ въ городъ Николаевскъ. Въѣхали въ городъ. Генералъ Куриловъ подзываетъ къ себѣ пальцемъ перваго попавшагося городового. Тотъ на цыпочкахъ бѣжитъ.—„Гдѣ здѣсь самонаилучшіе номера?“—„А вотъ тамъ на пригоркѣ держитъ самонаилучшіе номера графъ“.—„Кучеръ, поѣзжай туда!“

А графъ въ это время сидѣлъ со своею единственною дочерью (онъ былъ вдовецъ), красавицею Катей, на терасѣ, и пили чай. Дочь и говоритъ графу: „Папаша, смотри! какой-то молодой офицеръ ѣдетъ — навѣрно къ намъ!“— Графъ взялъ бинокль, посмотрѣлъ: „Молодой-то молодой да еще и генералъ!“ — У Курилова генеральская шинель была накинута на плеча, и красная подкладка виднѣлась.— „Вотъ бы жених'отъ?“ подумала про себя графская дочь: лѣтъ было ей уже немало, а хорошіе женихи все не пріѣзжали.

Куриловъ въѣзжаетъ прямо во дворъ графскаго дома. Выбѣгаетъ швейцаръ.—„Есь свободные номера?“ — „Точно такъ, Ваше Высоко-Превосходительство!“—„Сколько стоятъ?“— „Съ конями 10 рублей въ сутки“.—„Хорошо!“

Куриловъ остановился въ графскихъ номерахъ. Графская дочь идетъ къ нему въ номеръ и спрашиваетъ: кто онъ и откуда? (чтобы записать на мѣловой доскѣ).—„Я генералъ-лейтенантъ изъ Санъ-города Петербурга, Василій Ивановичъ Куриловъ! Ѣду въ кратковременный отпускъ къ себѣ на родину. Папаша и мамаша у меня при смерти, а дома—питнадцать домовъ и питнадцать магазйнъ: приказчики и довѣренные разворуютъ“.—„А съ чѣмъ магазины?“— „Съ золотыми и серебряными вещами“.

„А вы хто будите—замужняя или дѣвочка?“—„Я еще барышня“.—„Што же взамужъ нейдёте“ (Куриловъ къ тонкому обращенію не привыкъ).—„Да жениховъ по мыслѣ нѣтъ. Сватался студентъ да подпоручикъ, — не захотѣлось идти за нихъ“.—„А я вамъ ндравлюсь?“—Графская дочь покраснѣла и ничево не сказала.—„Ну, если ндравлюсь, такъ выходите за меня замужъ: предлагаю вамъ свою руку на бракосочиненіе“.—„Я должна сначала переговарить съ папащей“.—Идетъ къ графу и разсказываетъ ему: „15 до-

мовъ и 15 магазиновъ!.. проситъ руки"... — „Благородное дѣло!—говоритъ графъ:—если хочешь, иди замужъ, воли съ тебя не снимаю".—Графская дочь идетъ опять въ номеръ къ Курилову и подаетъ ему, въ знакъ своего согласія на бракъ, руку.

Скоро молодые первѣнчались. Живетъ Куриловъ у графа съ молодой женой мѣсецъ, другой и трéтей. Скушно ему стало по деревнѣ.—„Такъ и такъ,—говоритъ онъ своей женѣ:—15 моихъ домовъ и 15 моихъ магази́нъ прикатчики и довѣренные, пожалуй, разворуютъ; надо мнѣ ѣхать на родину, а тебя я боюсь брать съ собою: доро́ги, можетъ быть, пло́хи. Проѣду станцію—двѣ и пошлю тебѣ депе́шу: ѣхать или не ѣхать". — Графская дочь совѣтуется съ отцомъ: „Вася ѣдетъ домой; мнѣ хочетъ прислать депешу съ первой или со второй станціи: хороши ли доро́ги".—„Благородное дѣло!—говоритъ графъ: —пусть ѣдетъ!"

5. Пріѣхалъ Василій Ивановичъ въ Рязанскую губернію, но еще не въ Спасскій уѣздъ. Остановился кормить лошадей. Дѣло было въ селѣ; номеровъ тамъ нѣтъ, и пришлось остановиться въ корчмѣ. А въ корчму незадолго передъ тѣмъ прибылъ военный писарёкъ изъ заштатныхъ — пробирался въ Петербургъ искать писарской вакансіи. Слово за́ словомъ, разговорился Куриловъ съ писарькомъ; и задумали они играть въ карты на деньги. Плохо пришлось Курилову: отыгралъ у него Куриловъ и всѣ деньги (20 тысячъ), и лошадей съ экипажемъ и генеральскую одёжу. Отдалъ ему, изъ сожалѣнія, писарь свой верхній плащъ чтобы было въ чемъ идти домой.

Прежде чѣмъ идти, Куриловъ попросилъ хозяина корчмы написать ему письмо къ женѣ. Тотъ согласился. Въ письмѣ Куриловъ писалъ, что онъ проигралъ всѣ свои деньги, лошадей и одёжу писарю; сознался, что онъ обманулъ невѣсту: назвался генераломъ. „Если,—говоритъ:—хотите знать, хто я, то посмотрите въ спальнѣ нашей подъ пери; ной".—А тамъ оставилъ Куриловъ свой *нахо́дный* купеческій портмонетъ и грязный солдатскій мѣшокъ съ сухарями—графская дочь не замѣтила еще того.

Отдалъ это письмо Куриловъ своему бывшему кучеру Ивану: „отдай,—говоритъ:—ево графской дочери, а писаря

непремѣнно завези къ графу въ номера переночевать!"— Кучеръ все такъ и сдѣлалъ.

Пьетъ графъ съ дочерью чай на террасѣ. Дочь и говоритъ: „смотри, папаша: Вася ѣдетъ!"—Графъ взялъ бинокль, смотритъ: лошади Васины, а въ коляскѣ сидитъ не онъ.

Между тѣмъ, Иванъ привезъ писаря на дворъ къ графу, и тотъ остановился въ номерѣ...

Прочитала графская дочь письмо, пошла скорѣе въ спальну; нашла портмонетъ, прочитала свидѣльство Курилова и горько заплакала: „Что я надѣлала? вышла за молодого солдата!"—Идетъ къ отцу-графу. — „Ну, что пишетъ Вася?"—„Зоветъ меня ѣхать; онъ остановился на второй станціи; а этого человѣка Иванъ довезъ къ намъ по пути... Отпускаешь ли меня, папаша, къ мужу?" — „Благородное дѣло!" говоритъ графъ. Открылъ кассу: „Возьми, — говоритъ:—сколько тебѣ надо на поѣздку денегъ, и поѣзжай!"— Та взяла денегъ, а сама думаетъ: „надо какъ-нибудь изворотиться, выручить мужа!"

Идетъ въ номеръ къ писарю и предлагаетъ ему играть въ карты. Тотъ согласился. Счастье привезло графской дочери: отыграла она у писаря все то, что́ онъ выигралъ у Курилова, взяла у него генеральскую одежу и выгнала изъ номера. Сѣла въ коляску и поѣхала съ Иваномъ въ Рязанскую губернію, въ деревню Окомеловку, разыскивать своего Васю.

А Куриловъ пѣшкомъ пришолъ въ свою родную деревню и молотитъ тамъ хлѣбъ съ отцомъ.

6. Пріѣхала графская дочь въ Окомёловку. На краю деревни стоитъ трактиръ. Широкобородый здоровый парень-трактирщикъ стоитъ въ красной рубахѣ на крыльцѣ трактира, ухмыляется.—„Гдѣ здѣсь живетъ Василій Ивановичъ Куриловъ?"—„Василія Ивановича я не знаю, а Васька Куриловъ есть, недавно со службы пришолъ. Вонъ его хата съ краю—давно бы надо сломать на дрова, а то въ вѣтреную погоду можетъ кого-нибудь задавить".

Подъѣжжаютъ къ избушкѣ Курилова. Въ избѣ сидитъ одна старуха (мать Василія Иваныча).—„Здѣсь живетъ Василій Ивановичъ?"—„Здѣсь".—„А гдѣ онъ?"—„На гумнѣ съ отцомъ молотитъ".—„Какъ бы ево намъ увидать?"—„Давайте, я васъ провожу".—„Нѣтъ,—говоритъ графская дочь:—

покажите лишь мнѣ дорогу, а я найду сама!"—Та показала тро́пу.

Пошла графская дочь по тропкѣ, приходитъ на гумно. Тамъ молотятъ два мужика. Графская дочь съ трудомъ узнала Васю: босыя ноги грязны, штаны засучены до колѣнъ, рукава у рубахи—до локтей; самъ весь грязный, одёжа рваная; волоса у него подросли, и отецъ подровнялъ ему ихъ—за́ступами—топоромъ на полѣнѣ.

„Здравствуй, Вася!" говоритъ графская дочь.—„Здравствуй, жонушка!"—Отецъ Курилова испугался: пріѣхала,—говоритъ:—царская дочь, а онъ ее зоветъ женой.—„Я,—говоритъ:—за тобой пріѣхала: пойдёмъ со мной!" — Пошли. Обезумѣвшій отецъ-старикъ смотритъ имъ въ слѣдъ и не надивится.

А графская дочь спрашиваетъ: „Есь ли у васъ въ деревнѣ баня и цырюльникъ?"—„Баня есь у попа, а за цырульника отвѣтитъ солдатъ Моховъ".—„На вотъ тебѣ рубль—остригись у солдата, да сходи вымойся въ баню, а потомъ поѣдемъ къ намъ домой".—Куриловъ остригся и вымылся кое-какъ въ банѣ, а графская дочь велѣла кучеру подать лошадей къ банѣ. Одѣла ево опять въ генеральскую одежу и привезла къ себѣ домой.

„Ну, какъ съѣздили? что́ выѣздили?" встрѣчаетъ ее графъ.—„А 15 домовъ и магазиновъ Вася продалъ". — „А деньги куды?"—„А деньги въ банкъ положилъ". — „Благородное дѣло!" отвѣчаетъ графъ.

7. Живетъ опять Куриловъ у графа мѣсяцъ, живетъ другой. Приходитъ срокъ воротиться ему на службу въ Петербургъ. Говоритъ онъ о томъ женѣ. Та графу: „Такъ и такъ, приходитъ Васѣ срокъ ѣхать въ Петербургъ на службу".—„Да,—говоритъ графъ:—надо торопиться, а то можетъ выговоръ отъ командующаго войсками получить. Возьми, сколько надо денегъ!"—Графская дочь взяла денегъ и поѣхали въ Петербургъ. Пріѣхали въ Петербургъ. Взяла графская дочь самонаилучшій номеръ, за 25 рублей въ сутки. Остановились.

Идетъ Куриловъ на толчокъ, купилъ себѣ старую шинель, сапоги казе́нные, фуражку; приходитъ на другой день въ роту.—„Васька Куриловъ пріѣхалъ! Васька Куриловъ пріѣхалъ!" кричатъ солдаты. — А у Васьки Курилова на

рукѣ три золотыхъ кольца. — „Укралъ, видно?“ — „Какое укралъ! женился, братцы, на графской дочери“.—Смѣются солдаты: „гдѣ тебѣ на графской дочери жениться?“

Взводной кричитъ: „Васька Куриловъ! принеси изъ цейхгауза винтовку, вычисти: она вся заржавѣла, а скоро будетъ государевъ смотръ!“—Принесъ Куриловъ винтовку, а чистить ее ему не охота.—„Братцы! кто вычиститъ за рубль мою винтовку?“—„Какой у тебя рубль! у тебя и копейки-то нѣтъ!“ смѣются солдаты.—Куриловъ вынимаетъ изъ кармана пять рублей:—„Кто вдвоемъ вычиститъ мою винтовку за пять рублей?“—Всѣ наперерывъ кричатъ: „Я! я! я!“—Взялъ двоихъ, отдалъ имъ винтовку: „Вычистите и принесите завтра въ такіе-то номера!“—А самъ ушолъ домой.

На другой день несутъ два солдатика ему винтовку въ номеръ; входятъ, а у двери виситъ генеральская шинель на красной подкладкѣ: Куриловъ, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, тутъ ее оставилъ. Испугались солдатики, *дра́ло* домой. Куриловъ вышолъ на стукъ: „Эй, братцы!“—А тѣ давай Богъ ноги, и винтовку его бросили на дорогѣ.

8. На другой день Куриловъ явился въ новой солдатской аммуниціи на государевъ смотръ. Стали въ ряды. Большого начальства еще не было, одни порутчики. Пріѣзжаетъ графская дочь въ коляскѣ на тройкѣ на Марсово поле; подходитъ къ офицерамъ: „Можно ли мнѣ, — страшиваетъ:— пройтись по фронту?“—„Для чего?“—„У меня мужъ въ строю“.—„Пока большого начальства нѣтъ, можно“.

Пошла графская дочь по фронту. Куриловъ говоритъ своему сосѣду-солдатику: „Это моя жена!“—Тотъ толкнулъ ево въ бокъ: „Что ты, дуракъ? Какая тебѣ жена? Это генеральская дочь!“—А графская дочь идетъ мимо Курилова и усмѣхнулась. Куриловъ на это заржалъ (громко засмѣялся). Всѣ солдаты удивились: „что-нибудь да между ними есь!“—Пріѣзжаютъ ротные командиры. Порутчики просятъ графскую дочь: „Сейчасъ пріѣдетъ командующій; отойдите, пожалуйста, къ своей коляскѣ: онъ у насъ человѣкъ строгій!“—Та отходитъ.

Пріѣзжаетъ командующій войсками Петербургскаго округа; подходитъ къ офицерамъ, говоритъ имъ: „Замѣчаю я, господа, что на смотрахъ около васъ всё увиваются какія-то б...ищи; впередъ чтобъ этого не было!“—Графская дочь

услышала это, подходитъ къ командующему и говоритъ ему: „Какое вы имѣете право оскорблять меня?“—„А вы хто такая?“—„А вы хто такой?“—„Я командующій войсками Петербургскаго округа!“

Графская дочь поѣхала къ Государю во дворецъ. (А графъ былъ родня Государю Императору). Пріѣзжаетъ: Государю уже поданы лошади. Встрѣчаетъ графская дочь его на лѣстницѣ (онъ ѣдетъ на смотръ), падаетъ ему въ ноги: „Прости, отецъ!“—„Въ чемъ ты виновата, дочь моя?“—„Я вышла замужъ за рядового“.—„Благородное дѣло, дочь моя! Я самъ ходилъ рядовымъ, а теперь управляю престоломъ“.—„Оскорбилъ меня публично площадными словами командующій войсками“.

„Послать за нимъ тюремную повозку: пусть привезутъ его сюда въ тюремной повозкѣ!“ — Привезли. — „На 22 въ ряды!“

„А кто твой мужъ?“—„Василій Ивановичъ Куриловъ“.—„Послать за нимъ моихъ лошадей!“—Привезли.—„Это ты тотъ солдатикъ, который просился у меня на годъ на поправку и обѣщалъ привезти мнѣ смѣхъ и горе?“—„Точно такъ, Ваше Императорское Величество!“ — „Ну, хорошо, хорошо! Привезъ ты мнѣ радость: племянница моя вышла за рядового,—и горе: командующаго войсками разжаловалъ въ рядовые. Жалую тебя чинами и орденами. Завтра сдѣлай смотръ моимъ войскамъ, вмѣсто меня!“

И сдѣлалъ его командующимъ войсками Петербургскаго округа.